

литературное
НОВО
обозрение

1992 №1

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)

Кирилл Постутенко (теория)

Сергей Панов (история)

Татьяна Михайловская (практика)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)

Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)

Галина Белая (Москва)

Вадим Вацуро (Петербург)

Михаил Гаспаров (Москва)

Александр Жолковский (Лос-Анджелес)

Андрей Зорин (Москва)

Александр Лавров (Петербург)

Джон Малмстад (Кэмбридж, Массачусетс)

Александр Ошоват (Москва/ Лос-Анджелес)

Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)

Игорь Смирнов (Констанц/ Мюнхен)

Роман Тименчик (Иерусалим)

Евгений Тоддес (Рига)

Александр Чудаков (Москва)

МОСКВА

ТРИ ЗАМЕТКИ К 200-ЛЕТИЮ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

1

Д. Н. Черниговский

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ И И. М. ДОЛГОРУКОВ

Личные и творческие связи Вяземского и Долгорукова мало привлекали внимание исследователей и были слабо документированы. Между тем обнаруженные в московских архивах стихотворения обоих авторов проясняют картину их непростых взаимоотношений.

О самом факте их знакомства принято судить по дарственной надписи Долгорукова Вяземскому на авторизованном списке его сатирической оды «Везет» (1813)¹. Однако есть данные, что поэты были знакомы четыремья годами раньше. В бумагах Вяземского хранятся следующие стихи:

К. Долгорукову

Читал я Сумерки твоих осенних дней.
Дивился жару чувств и пылким вдохновеньям,
Дивился и сказал с невольным изумленьем:
Что ж был поэт во дни весны своей?

В авторском примечании к стихам значится, что они «...были написаны в 1809 г. и поднесены во Владимире К. Ивану Михайловичу Долгорукову...»² Поводом для четверостишия послужил сборник стихов Долгорукова «Сумерки моей жизни» (1808), посвященный покойной жене автора Е. С. Долгоруковой (Смирновой).

К сожалению, ни Долгоруков, ни Вяземский в мемуарных сочинениях не рассказали о характере своих взаимоотношений. Более того, Долгоруков и вовсе не упоминает имени своего молодого собрата по перу, тогда как его отцу — А. И. Вяземскому — в «Капище моего сердца, или Словаре всех тех лиц, с коими я был

1 См.: Поэты-сатирики конца XVIII — нач. XIX в. Л., 1959. С. 710.

2 ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 881. Ср. публ. в статье В. С. Нечаевой «Отец и сын». — Голос минувшего. 1923. № 3. С. 54 (Примеч. ред.)

в разных отношениях в течение моей жизни» (М., 1874) уделена глава.

По-видимому, в середине 10-х годов XIX в. добрые отношения между поэтами ухудшились: для арзамасского Асмодея Долгоруков должен был казаться литературным старовером. Такое предположение подтверждает письмо Вяземского Д. Н. Блудову от 25 февраля 1817 г., где Долгоруков ставится в один ряд с одиозной фигурой тогдашнего писательского мира — П. И. Шаликовым³. В период службы Вяземского в Варшаве его московский корреспондент В. Л. Пушкин не раз пишет о Долгорукове с изрядной долей издевки, рассчитывая на сочувственную реакцию адресата; Долгоруков именуется «старым» поэтом и зачисляется в ряды московских «беседчиков» из университетского Общества любителей словесности⁴.

Страницей в истории личных и творческих контактов двух поэтов в 1820-е годы являются долгоруковские «Стишки, сочиненные по случаю напечатанных Кн. Вяземским» в *Инвалиде*, под названием „Мои желанья”» (1823). Приводим текст этого неопубликованного стихотворения:

Когда в красивой ты безделке
Свои желанья изъяснял
И не на лире — на свирелке
Пенату жалобно взывал,
Чтоб он тебя своим покровом
От злоязычника хранил,
Тогда и я твоим же словом
Пената своего молил,
Чтоб от тебя оборонил!

И ты злоречия боишься!
Давно ли сам уж не таков?
Всю жизнь способностью гордишься
Кольнуть набором едких слов.
Тебе ль с умом и просвещеньем
И с сердцем нежным (может быть),
Прилично щеголять уменьем
Свой круг на щот чужой смешить,
Как жалом — перышком язвить.

Цена талант благой природы,
Которым ты вознагражден,
Хочу, чтоб твой досуг свободы
На пользу был употреблен.
Хочу, чтоб ты нас осторожно
В стихах и прозе назидал,
А не кощунствовал безбожно
И с остротой не клеветал
Про всякой пир, театр и бал.

Поверь (коль дать совет я вправе),
Что эпиграмм ничтожен труд,
Оне минутной блеск забаве,
А прочной славы не дадут.
Тебя снабдил своим искусством
Сам Аполлон стихи писать.

3 См.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 378.

4 См.: Пушкин В. Л. Стихи: Проза: Письма. М., 1989. С. 247, 253.

Клади с обильным сердца чувством
На все, что можешь сочинять,
Не зла, а Гения печать.

Тогда и я с тобою купно
Пенатам общим воззову,
Да век хранят твой неотступно
Для стран, где вместе я живу.
Пиит лишь тот блажен бывает,
Которой, ближнего любя,
Зоилов желчью не хворает,
И, скаредной порок губя,
Исправить смыслит сам себя⁵.

Представляется, что Долгоруков упрекает здесь Вяземского не просто за язвительный склад ума и обилие эпиграмм. Поводом для негодования послужил конкретный выпад «злоречивого» поэта против автора «Стишков...» или кого-то из его окружения: «Пената своего молил, чтоб от тебя оборонил». Косвенным подтверждением тому служит неопубликованное сатирическое послание Долгорукова «К приятелю» (1822), адресат которого не указан. В эпистоле, в частности, есть такие строки:

Ты знаешь, что в Москве разнесся каталог,
Обруган лучший люд в нем с головы до ног.
... в общежитии поступка нет гнусней,
Как, выставя порок, именовать людей...
И чести не шадя — ульнуть от наказанья,
К уставам скромности без всякого вниманья,
О тех домах, куда стремятся есть и пить,
Трезвонить всяку ложь, чтоб площадь рассмешить⁶.

Далее Долгоруков обращается с гневным упреком к авторам «каталога»:

Нет! Нет! господчики, подкидыши злой моды,
Напрасно вы плодом считаете свободы,
Пустое право-вздор насмешливой болтать...
Пишите в доброй час и с пользой занимайтесь,
Но благодравием шутить остерегайтесь,
Без благ сердечных ум всегда лежит во зле,
И Гений с ним одним — бич Божий на земле⁷.

Здесь, как видим, речь идет о каком-то неизвестном нам сатирическом произведении, автором или соавтором которого мог быть Вяземский. Во всяком случае, строфа IV «Стишков...» близка наставлению литературной молодежи в послании. Резкость выражений в процитированном отрывке, по сравнению с тоном мягкого укора в «Стишках...», объясняется тем, что произведения разделял временной промежуток, в течение которого гнев Долгорукова мог утратить свою силу. С другой стороны, нужно учитывать, что послание не предназначалось для печати, и Долгоруков, негодуя, не выбирал выражений.

Вероятно, все отношения между поэтами были прекращены, и только этим можно объяснить отсутствие в «Капище...» рассказа о Вяземском, уже известном к тому времени литераторе. По тону «Стишков...» видно, что Долгоруков был бы рад пойти на прими-

⁵ Долгоруков И. М. Запрещенной товар <Сб. неопубл. стихотворений>. — ОРК и Р библиотеки МГУ. 1 РК 175². Л. 76 об. — 77.

⁶ Там же. Л. 67 об.

рение, если бы инициатором его выступил Вяземский, но молодой романтик, как кажется, остался равнодушен к обиде старика поэта.

На склоне лет задиристый остроумец во многом изменил свою мировоззренческую позицию, и в новой системе ценностей нашлось место для Долгорукова, теплый отзыв о котором в «Старой записной книжке» можно считать запоздалой данью уважения⁸. По-видимому, Вяземский сам осознал ту художественно-психологическую связь между своей и долгоруковской литературной манерой, связь, на которую впоследствии указывали практически все исследователи творчества двух поэтов.

⁸ См.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 476—481.

2

К. А. Кумпан

ОБ ОДНОМ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМ КАЗУСЕ

Уже при первоначальном отборе текстов для издания стихотворений П. А. Вяземского (1)* наше внимание привлекло следующее загадочное четверостишие:

Пред хором ангелов семья святая
Поет небесну благодать,
А здесь семья земная
По дудке нас своей заставит всех плясать.

Впервые этот текст был опубликован в Полном собрании сочинений Вяземского, в цикле из трех стихотворений такого же размера, под общим заглавием «Эпиграммы и заметки» (2, 390). В примечаниях к собранию, где фиксировался лишь источник текста, указано, что цикл воспроизведен по «копии 1825 г.» (2, VII). В дальнейшем, уже вне цикла, это четверостишие было помещено в сборнике «Избранные стихотворения» Вяземского (3, 420), подготовленном В. С. Нечаевой, которая существенно дополнила стиховую часть указанного «полного» собрания (т. е. тома 3, 4, 11 и 12) и снабдила издание развернутым историко-литературным комментарием. Исследовательница уже без всяких оговорок датирует стихотворение 1825 годом, относит его к жанру «эпиграммы» и дает следующее его толкование: «По нашему мнению, она <эпиграмма.— К. К.> направлена против царской семьи и является одним из наиболее резких выпадов Вяземского против самодержавия в эпоху либерализма» (3, 544). Понятно, что эта политическая трактовка не только выделила четверостишие из других стихотворений цикла «Эпиграммы и заметки», но и заставила включить его во все последующие научно значимые издания Вяземского (4, 166; 5, 133), как особо важное для характеристики мировоззрения поэта 1825 г., оказавшегося, таким образом, апогеем его оппозиционных настроений. Было оно также включено М. И. Гиллельсоном в вышедшую в серии «Библиотека поэта»

* В скобках дается номер примечания и страницы указанного в примечании издания.

антологию «Русская эпиграмма» (6, 283); при этом такие серьезные исследователи Вяземского, как Л. Я. Гинзбург и М. И. Гиллельсон, в своих примечаниях без всякого сомнения присоединились к «убедительному предположению» Нечаевой (4, 450), что «эпиграмма направлена против царской семьи и является одним из наиболее резких высказываний Вяземского против самодержавия» (5, 407; 6, 735). Иначе говоря, за истекшие со времен нечаевского издания десятилетия приведенное в начале заметки четверостишие прочно вошло в круг текстов, относящихся к политической сатире начала XIX в.

Вероятно, магия политического прочтения, а также «сила тайная авторитета» крупнейшего знатока Остафьевского архива (известно, что сам архив долгие годы хранился у Нечаевой дома) были столь могущественны, что никто не обратил внимание на несомненную странность «экспозиции» этой так называемой «эпиграммы». Напомним, что в том типе эпиграмм, к которому относится наш текст, построенном на семантическом (а иногда и синтаксическом) параллелизме, в «экспозиции» (или, по классическому определению Н. Ф. Остолопова, — «предложении») воспроизводится обычно нечто хорошо известное читателю своего времени, задается некая банальная ситуация. Например, «экспозиция» может являть собой строки популярного стихотворения, романса, песни, пословицы, эпизоды из хрестоматийных исторических, мифологических, библейских сюжетов и т. д. К этому типу относятся, например, эпиграмма Пушкина «Лук звенит, стрела трепещет...» или эпиграмма Вяземского «Отечество спаслось Кутузова мечом...», в первой из которых «экспозицией» является миф об убийстве Аполлоном дракона Пифона, а во второй — известный исторический факт — победа России в войне 1812 г. Соотнесенность этой ситуации в «экспозиции» с конкретным поводом написания эпиграммы в «пуанте» создает основной или дополнительный комический эффект.

«Экспозиция» настоящей «эпиграммы» как бы тоже отсылает к библейскому сюжету, поскольку словосочетание «семья святая» не может быть не чем иным, как поэтической инверсией «Святого семейства». Однако эпизод пения Святым семейством (Девой Марией, святым Иосифом и младенцем Христом) «небесной благодати», да еще почему-то «перед хором ангелов», выглядит очевидным нонсенсом. В Святом писании его нет и быть не может. Представляется, по крайней мере, странным моделирование Вяземским этой псевдоевангельской ситуации ради того, чтобы намекнуть в «пуанте» на произвол самодержавия.

Размышления над смыслом четверостишия заставили нас обратиться к поискам рукописного его источника, поскольку именно маргиналии на полях некоторых списков эпиграмм, посылаемых Вяземским своим издателям и библиографам (П. И. Бартеневу, М. Н. Лонгинову и С. Д. Полторацкому), до сих пор были главным источником их расшифровки. Что же касается настоящего стихотворения, то первым и последним, кто видел его рукопись, был Н. П. Барсуков, готовивший тексты в указанном Полном собрании сочинений (2). В. С. Нечаева в примечаниях указывает: «В

архиве этой эпиграммы мы не встретили» (3, 544). «Не удалось обнаружить» копии 1825 г. и Л. Я. Гинзбург (4, 450). «Местонахождение копии неизвестно», — заявляет М. И. Гиллельсон (6, 735).

Между тем найти архивный источник четверостишия оказалось не столь уж сложно: он хранится в одном из известных рукописных сборников стихотворений Вяземского (7), которым и Нечаева и Гинзбург активно пользовались для сверки других текстов поэта. Можно предположить, что «копия», находящаяся на одном листе с четырьмя другими четверостишиями (8), осталась не замеченной исследователями совершенно случайно.

Итак, что же прояснилось при непосредственном обращении к рукописи? К сожалению, никаких маргиналий комментаторского свойства на нем не оказалось. Но перед нами вовсе не копия, а автограф, точнее — недатированный авторский список. Вероятно, у Барсукова имелись свои резоны датировать его 1825 годом, однако время написания и время снятия сохранившейся авторской копии явно не совпадают. О том, что четверостишие было написано по крайней мере на несколько лет раньше 1825 г., свидетельствует, в частности, его расположение в указанном списке между текстами конца 1810-х и 1823 годом. И наконец, самое главное: автограф позволил установить аутентичный текст стихотворения. Дело в том, что Барсуков неверно прочел лишь одно слово в приведенных выше четырех стихах, но слово это оказалось ключевым: вместо слова «семья» в автографе не очень четко, но вполне читаемо расшифровывается имя собственное «Сесилия». Таким образом, подлинный текст четверостишия оказался следующим:

Пред хором ангелов Сесилия святая
Поет небесну благодать,
А здесь Сесилия земная
По дудке нас своей заставит всех плясать(9).

При таком прочтении уясняется смысл «экспозиции» стихотворения: в первых двух стихах речь идет о католической святой III в. Цецилии (или Сесилии), считавшейся покровительницей духовной музыки и с музыкальной атрибутикой изображавшейся в живописных произведениях. В данном случае Вяземский, вероятно, имел в виду знаменитую алтарную экспозицию Рафаэля «Святая Сесилия», хранящуюся в Болонской пинакотеке (в XIX в. она часто репродуцировалась в виде гравюр и литографий), в центральной группе которой изображена святая с «подъятыми долу» очами, то ли внимающая, то ли подпевающая хору ангелов, расположенному со своими музыкальными инструментами на небесах и распевавшему там по нотам.

Уточнение текста установило и жанр стихотворения: это вовсе не «эпиграмма», направленная «против царской семьи», а мадригальный экспромт, посвященный какой-то даме, фигурирующей здесь под настоящим или вымышленным именем Цецилии, — может быть, какой-то знаменитой музыкантше (флейтистке?) или просто «великосветской львице». Личность адресата пока установить не удалось: возможно, в дальнейшем при просмотре материалов вокруг Вяземского (например, неописанной части альбомов

«пушкинской поры») обнаружится ранний автограф настоящего мадригала, установится адресат, уточнятся время и обстоятельства его создания. Однако уже сейчас текст четверостишия следует навсегда изъять из корпуса текстов политической сатиры декабристской эпохи. Это мы и сделали, не включив его в подготовленное при нашем участии новое издание «Русской эпиграммы» (10). Остался он и за рамками того самого сборника стихотворений, о котором шла речь в первой фразе настоящей заметки (1), как стихотворение «проходное» и не столь значимое в эстетическом и идеологическом отношении, чтобы быть отобранным в «избранное издание»; таким образом, также за рамками комментария остался и изложенный здесь сюжет.

В качестве постскриптума хотелось бы напомнить следующие слова одного из самых замечательных текстологов XX в. — Б. В. Томашевского: «Существует распространенное мнение, что текстологическая работа имеет свой резон только в больших «академических» научных изданиях. В популярных изданиях это часто признается несущественным: редактор может ограничиться перепечаткой «хорошего» издания. Эта точка зрения требует решительного отпора» (11). В наш век коммерческих изданий, работа над которыми часто сводится к недоброкачественной «перепечатке» далеко не «авторитетных» изданий, призыв пушкиниста 1920-х годов к серьезной подготовке популярных изданий классиков звучит чрезвычайно актуально. На примере изложенного казуса видно, к чему может привести отсутствие тщательной текстологической проверки публикуемого текста. Следует иметь в виду, что дублирование ошибки в популярном издании — это не простой повтор опечатки, а закрепление в сознании широкого круга читателей неверного прочтения, подчас искажающего картину творчества и эволюции мировоззрения писателя.

П р и м е ч а н и я

- 1 *Вяземский П. А.* Стихотворения. Вступ. статья Л. Я. Гинзбург. Сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л., 1986 («Библиотека поэта», большая серия).
- 2 Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1880. Т. 3.
- 3 *Вяземский П. А.* Избранные стихотворения. Ред., статья и коммент. В. С. Нечаевой. М.; Л., 1935.
- 4 *Вяземский П. А.* Стихотворения. Вступ. статья; подгот. текста и примеч. Л. Я. Гинзбург. Л., 1958 («Библиотека поэта», большая серия).
- 5 *Вяземский П. А.* Сочинения в 2 т. Т. 1: Стихотворения. Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. М., 1982.
- 6 Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захарченко. Л., 1975 («Библиотека поэта», большая серия).
- 7 ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 860. Л. 54.
- 8 Стихотворения на листе переписаны в следующей последовательности: 1. «Работая пером, как топором...»; 2. «Чтоб Вас оставить, Вас я вижу...»;

3. «Тебе, одной тебе Быть Антигоной можно...»; 4. Настоящее четверостишие; 5. «Жужжащий враль, едва приметный слуху...»

9 Интересно отметить, что в каталоге ЦГАЛИ атрибуция этого автографа «приведена в соответствие» с публикациями: в первом стихе фигурирует «семья», далее отмечено, что это «эпиграмма», рукопись которой представляет собой «копию 1825 г.».

10 Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Вступ. статья М. И. Гиллельсона. Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан. Подгот. текста К. А. Кумпан. Л., 1988 («Библиотека поэта», большая серия).

11 *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959. С. 228—229.

3

Д. П. И в и н с к и й

КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКИЙ О РАСПРОСТРАНЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В РОССИИ

«Красные страшны более им, а не нам...», — записал Вяземский 25 октября 1853 г.¹ Он полагал, что отечественные коммунисты — лишь ничтожные подражатели своих западных коллег и вдохновителей, не способные приобрести какой бы то ни было политический вес в русском обществе. В стихотворении из цикла «Заметки» (1862) читаем: «Вот и у нас заводят речь о красных, // Но, кажется, толкуют не впопад: // Не в первый раз, в усильях ежечасных // И все и всех мы корчим на подряд. / <...> Что нового Европа ни затеет, // Сейчас и мы со снимком на лице, // И под узор французский запестреет // Домашнего изделия дрянцо»². Тем любопытнее, что в 1867 г. Вяземскому, уже обер-шенку Двора и члену Государственного Совета, пришлось высказаться о коммунистической идеологии во вполне официальной записке, текст которой помещен ниже.

Записка эта связана с обсуждением в Соединенном департаменте законов и гражданских дел Государственного Совета возможных «предупредительных и карательных» мер по отношению к «противозаконным обществам», состоявшимся 28 января и 11 февраля 1867 г.³ Замечания Вяземского касаются «Представления главноуправляющего Вторым отделением собственной его императорского величества канцелярии по проекту изменения VI главы IV раздела, а также III и IV глав IX раздела уложения о наказаниях, о мерах к предотвращению развития коммунистических идей»⁴. Текст Вяземского⁵ датируется концом февраля — первыми числа-

1 *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. 10. С. 72.

2 *Вяземский П. А.* Избр. стихотворения. М.; Л., 1935. С. 449.

3 Официальные документы, относящиеся к этому обсуждению, сохранились в Остафьевском архиве; см.: ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 784. Л. 3—24 об. См. также: Описание дел Архива Государственного Совета. Т. 7: Дела Государственного Совета с 1867 по 1870 г. СПб., 1911. С. 4.

4 Печатный текст «Представления...» см.: ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 784. Л. 7—27.

5 См.: ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1099. Л. 1—4 (черновой текст, автограф); Л. 5—8 (окончательный текст, авторизованная рукопись; «замечания» печатаются по этому источнику).

ми марта 1867 г.: кн. С. Урусов в своем письме к Вяземскому от 5 марта 1867 г. говорит о замечаниях его как об очень недавно появившихся на свет¹.

Замечания эти основаны на убеждении в том, что, как писал Вяземский в 1848 г., «благодаря Бога, у нас слова царь и народ еще нераздельны» и «кто хочет служить народу, тот вместе с тем служит и царю»². До конца дней Вяземский сохранил убеждение в том, что лишь конституционная монархия и постепенные реформы могут предохранить Россию от революционных потрясений. Поэтому, говоря о «разрушительных идеях», Вяземский начинает с указания на очевидную, с его точки зрения, недостаточность репрессивных мер, выдвигая на первый план необходимость внутренних преобразований («хорошая система народного образования и просвещения» и т. п.), «созидания благоустройства и общественного благоденствия». Его политическое кредо — это прежде всего требование законности, идет ли речь о правительстве, или его противниках. «...Мы все, — читаем в письме Вяземского к М. П. Погодину от 28 апреля 1866 г., — должны быть верноподданные закона, <...> а сепаратизм от закона, или вне закона, хуже и вреднее всякого другого сепаратизма, потому что он зарождает своеволие и политическую путаницу»³. Разумеется, обвинения в политическом консерватизме и даже ренегатстве часто раздавались в это время из демократического лагеря; вот как писал о Вяземском Огарев в 1863 г.: «О! Не великий князь (когда-то либерал), // От ссыльных сверстников далеко ты удрал // В жандармскую любовь — к престолу, не к народу, // Продажностью писак втесняемую в моду»⁴. В статье «Кое-что о себе и о других, о нынешнем и вчерашнем» Вяземский говорил по этому поводу: «Иным колят глаза их минувшим. Например, упрекают их тем, что говорят они ныне не то, что говорили прежде. Одним словом, не говоря обиняками, обличают человека, что он прежде был либералом, а теперь он консерватор, ретроград и проч., и проч. Во-первых, все эти клички, все эти литографированные ярлыки ничего не значат. Это слова, цифры, которые получают значение в применении. Можно быть либералом и вместе с тем консерватором, быть радикалом и не быть либералом, быть либералом и ничем не быть. Попугай, который затвердит слова: свобода, равенство прав и тому подобное, все же останется птицей немыслящей, хотя и выкрикивает слова из либерального словаря»⁵.

* * *

Некоторые замечания на проект о мерах к предотвращению развития коммунистических идей

Нет сомнения, что коммунизм и вообще коммунистические идеи более или менее распространены в Европе. Равно нет сомнения и в том, что они вредны и пагубны и покушаются поколебать

1 ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 784. Л. 1—2.

2 ЦГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 2097. Цит. по изд.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 326.

3 ЦГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 11 об.

4 Огарев Н. П. Избр. произведения: В 2 т. М., 1956. Т. 1. С. 389.

5 Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 293.

существующий законный государственный и общественный порядок. Внимание и бдительность правительства не должны терять из вида эти покушения. Оно обязано за себя и за общество оградиться от их враждебного действия. Но здесь возбуждаются сомнения и вопрос: можно ли положительными полицейскими мерами действовать на *идеи* и предотвращать их пагубное влияние? Такой способ ограждения, кажется, был бы недостаточен и слишком легок в исполнении пред важностью предстоящей опасности. Против вредных, болезненных и разрушительных *идей* должно действовать *идеями* здоровыми, благотворными и живительными. Прежде всего хорошая система народного образования и просвещения, потом благие охранительные законы, точное и ненарушимое исполнение оных, свободное развитие общественных (не касаюсь здесь политических) начал, везде, где это развитие не задевает коренных прав и законной власти правительства, которые для пользы самого общества должны быть всецело и свято уважаемы: вот благонадежнейшие и едва ли не единственные средства, которыми правительство может располагать для противодействия страстям, преступным заблуждениям, учениям пагубным и вообще всем умыслам зла, под какую личиной и именованием ни являлось бы оно. В этих средствах заключаются не только орудия для противоборства, но и орудия для созидания благоустройства и общественного благоденствия. Все другие средства только паллиативные и не поражают самое зло. Против вредного учения, пока оно не перешло в действительность, не облеклось, не воплотилось в действие, есть одна оборона: это благотворное учение, и оно в руках правительства. Хорошее, просвещенное, твердое законодательство, хорошая администрация суть также *учение*, которым правительство воспитывает и образует свой народ и свое гражданское общество.

Бывают примеры, бывают случаи, история тому учит нас, что и самые благие меры правительства не всегда служат достаточным охранением от преступных замыслов, от покушений умов развращенных или извращенных политическими заблуждениями и самонадеянными теориями. Но против частных и временных случайностей должно принимать и меры частные и временные. Коммунистические идеи, посягающие на законный порядок, не потому особенно вредны, что они коммунистические, но потому, что они нарушительны и разрушительны. Покушение против Верховной власти, или направленные к ниспровержению, или изменению законного порядка, или нарушающие правила Христианской веры и общественную нравственность, раз приведенные в действие, хотя и не под знаменем коммунистического учения, уже сами собою и во всяком случае подвергаются суду и каре законов. При этом можно заметить, что рассматриваемый нами проект, имеющий первоначальною целью предотвращать *развитие* коммунистических идей, в дальнейшем изложении своем и применении к делу, уже не упоминает о коммунизме и его идеях. Он просто и прямо обращает внимание свое на преступления и отступления от законов, которые существовали и проявлялись гораздо прежде коммунизма и могут проявляться и ныне совершенно вне его влияния. Таким образом, меры предполагаемые и весь характер

нового уложения не развиваются последовательно и соответственно с мыслию, которая обозначила начало и цель его.

Новые правила или изменения некоторых статей Законов о предотвращении и пресечении преступлений падают единственно на преступления уже известные и имевшиеся уже в виду прежних законов. —

Можно усилить меры наказаний, предписанных Законами, если опыт доказал, что прежние меры недостаточны и дают послабления преступлениям. Но все же речь может идти только о совершившихся событиях или о злых умыслах, так сказать застигнутых при самом покушении их на действие. Предварительные же меры, так сказать предварительная цензура тенденций, учений и самих идей, едва ли могут достигнуть желаемой цели. Но весьма вероятно, что они в частном административном применении могут быть поводом к большим злоупотреблениям и к смущению и беспрестанному опасению частной и личной жизни. —

Приступим теперь к отдельным замечаниям на некоторые статьи и выражения самого проекта и приложения к нему.

1). (Стр. 9). Трудно постигнуть различие, сопоставленное здесь между *тайными обществами* и *сообществами*, которые, как предполагается, их заменили. Еще менее удобно постигнуть применение к *тайным обществам*, которые не иначе могут существовать, как помимо законов, и *сообществ, прямо не запрещенных законом или даже и разрешенных правительством*¹. В случае уклонения этих сообществ от гласной и дозволенной им цели или прикрытия сею целью неблагонамеренных действий, тут уже не существование сообщества, а только злоупотребление данного ему права сходиться и собираться подлежит взысканию закона; подобному взысканию в подобных случаях равно подвержены и частные и отдельные лица, хотя бы и не состоящие в сообществах. Это замечание относится и к стр. 10-й, в которой говорится о действиях, кои имеют целью изменение государственного управления *сообществом какого бы то ни было устава*. Довольно двух, трех преступных единомышленников, чтобы злоумыслить преступное дело; эти люди могут между тем принадлежать сообществу совершенно невинному и разрешенному правительством. Чем же то сообщество будет виновато, если подобные люди запишутся в него? Такая неопределительность в понятиях, которая может навести на уголовные последствия, подаст повод к разным недоразумениям и злоупотреблениям местных властей. —

2). (Стр. 11). Здесь сказано: *Товарищества, кружки и артели* потому, что под сими наименованиями образовались, как известно, разные вредные *сообщества*². Вредны сами по себе не артели и кружки, а вредна может быть потаенная мысль, во имя которой

1 В печатном тексте «Представления...», разосланном членам Государственного Совета, говорится о преследовании «... тайных обществ, которые ныне распространяют часто свои действия посредством сообществ, прямо не запрещенных законом или даже разрешенных правительством, но уклонившихся от своей цели...» (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 784. Л. 11; далее указывается только лист).

2 «Несмотря на точность выражения «сообщество» (association), признано полезным, по новости употребления его в законе в пространном, но вместе с тем определенном смысле, указать на сей раз на отдельные виды сообществ, как-то: товарищества, кружки и артели, потому что под сими наименованиями образовались, как известно, разные вредные сообщества» (Л. 12).

они собираются. Когда эта мысль обнаружится, ее должно преследовать законом, как и в каждом частном лице. Иначе при оставлении каждого общества в сильном *подозрении* не может быть уверено в безопасности своей никакое благонамеренное общество, ни ученое, ни музыкальное, ни благотворительное. Это равняется уничтожению всякого общества, потому что кто же пойдет в члены его под опасением попасть в общество вредное и злонамеренное. Применение к таковым сообществам и *артелям* может поколебать существование и артелей промышленников и работников, искони вошедших в обычаи народа.

3). (Стр. 11). Отмена *заклучения в крепостях*, основанная, между прочим, и на том, что *вследствие небольшого у нас числа крепостей* может представиться затруднение в применении к лицам гражд^{анского} ведомства¹, имеет неблагоприятный смысл, намекающий на предположение, что число принужденных к этому наказанию достигнет такого размера, что неостанет для них и помещения. —

4). (Стр. 16). В дозволении большинству наличных членов собрания и губернскому начальству сделать распоряжение о недопущении посторонних зрителей (скорее уже слушателей) в места заседаний² — не ясно определено: зависит ли это распоряжение от совокупного соглашения большинства членов и губернского начальства, или может быть оно исключительно предоставлено одному начальству. —

5). (Стр. 21). Лица, образующие вторично новые или прежние безнравственные сообщества, по лишении всех прав ссылаются на житье в отдаленные губер^{нии}. А если они и там заведут таковое сообщество, чему они подвергаются?

6). (Стр. 21. Ст. 320 и 321). Члены какого бы то ни было сообщества, действовавшего с преступною целью, которые *незаведомо* содействовали противозаконной цели денежными или другими приношениями и которые *доказали*, что им были неизвестны подобные действия или замыслы, подвергаются денежному взысканию от 25 до 300 р. — За что же подвергать штрафу невинность и неведение? Да и какое может быть различие в степени невинности того и другого, когда один невинный может заплатить 25 р., а другой, равно невинный, в 12 раз более? Различие взысканий, изложенных в ст. 320 и 321-й и примененных на наличные деньги, кажется не весьма благовидно. — Виновность против государственных законов оценивается в 25 — 300 р. Виновность против правил Христианской Веры в 5 и 25 р.

7). (Стр. 25). В ст. 427 прямо сказано, что губернское начальство может распоряжаться своим недопуском посторонних лиц на выборы в обществе или сословии. Но и здесь не сказано, применяется ли эта мера и к обыкновенным заседаниям. Так что вопрос о допущении или недопущении публики к заседаниям остается все нерешен. —

1 «Из меры наказания основателей, начальников и главных руководителей исключено заявление о крепостях, потому что оно, составляя собственно наказание военное и вследствие небольшого у нас числа крепостей, могло бы представить затруднения в применении к лицам гражданского звания» (Л. 12).

2 Это предложение мотивировано в тексте «Представления...» следующим образом: «...допущение <...> зрителей и заявление ими гражданского участия в делах собрания много содействовало к тем увлечениям, вследствие коих некоторые из сих собраний вышли из пределов предоставленного им круга действий» (Л. 14 об.).